

Часть первая

Гость из прошлого

Глава 1

А ЕСЛИ ЗА ДВЕРЬЮ АНАКОНДА?

Родители у Коли сравнительно нестарые — им ещё сорока нет. А сами себя считают совсем молодыми, купили катер, красят его и лелеют, втаскивают на берег, спускают на воду, чинят мотор, созывают гостей, чтобы жарить шашлыки и петь туристские песни. Но путешественники они никудышные, совершенно не умеют пользоваться своим счастьем. В прошлом году две недели путешествовали по Волге, а проплыли всего сто километров — можно от смеха умереть. Коле с ними неинтересно. Их романтика ему не подходит, очень уж она комфортабельная. Вот и в то апрельское воскресенье он наотрез отказался ехать с ними красить драгоценную «Чайку». Он сказал, что у него завтра контрольная. Родители так умилились его сознательностью, что не стали уговаривать. И у Коли оказалось совершенно свободное воскресенье, без родителей, без дел, живи в своё удовольствие, как греческий философ Эпикур.

Когда Коля проснулся, родителей уже не было. На столе лежала записка с просьбой сходить за кефиром и рубль.

С утра свободный день кажется бесконечным. Поэтому Коля не спешил. Он включил на полную громкость радио и стал думать, кому позвонить.

Но было ещё рано, все друзья спали, и Коля решил сходить за кефиром. Он взял рубль, сумку, пустые бутылки и вышел на лестницу.

По лестнице прямо к нему шли два санитары и несли сложенные носилки. Санитары были пожилые, крепкие, похожие на грузчиков, только в форменных фуражках и белых халатах. Коля остановился. И тогда он заметил, что дверь в соседнюю квартиру приоткрыта и оттуда доносятся голоса. Санитары пронесли носилки в ту дверь. Что-то случилось с соседом, Николаем Николаевичем.

Сосед жил один, часто ездил в командировки, а где он работал, Коля не знал. Коля решил подождать. Вскоре дверь отворилась, и санитары вынесли на лестницу носилки. На носилках лежал Николай Николаевич, бледный, покрытый простынёй почти до самого горла. Сзади шёл молодой врач с толстым чемоданчиком. Врач остановился в дверях и спросил:

— Что делать с квартирой?

В этот момент Николай Николаевич увидел Колю и обрадовался.

— Здравствуй, тёзка, — сказал он тихо. — Хорошо, что ты мне встретился. Видишь, сердце прихватило. Такая вот незадача!

— Ничего, — сказал Коля, — вы выздоровеете.

— Спасибо на добром слове. У меня к тебе просьба: возьми мой ключ. Ко мне на днях должен друг приехать из Мурманска. Он знает, что, если меня дома нет, ключи у вас.

— Как всегда, — сказал Коля. Потом обернулся к доктору и добавил: — Вы захлопните, а ключ мне передайте.

Коля проводил носилки с Николаем Николаевичем до улицы. Санитары аккуратно поставили их в «Скорую помощь». Сердечникам нужен полный покой.

— Когда ждать? — спросил он Николая Николаевича, уже лежащего в машине.

— Через месяц. Может, раньше. Я вам позволю, как буду вставать.

— Позвоните, я вас навещу, — сказал Коля. — Может, фруктов купить надо? Вы не стесняйтесь.

— Мой друг из Мурманска должен привезти мне лекарство. Я надеюсь на твоё посредничество.

— Не сомневайтесь, — сказал Коля. — Мои старики тоже рады вам помочь.

«Скорая помощь» резко взяла с места и умчалась в клинику Склифосовского, как сказал Коле доктор на прощание. Коля постоял, поглядел вслед машине. Ему было жалко Николая Николаевича. Сосед был приличный человек, никогда не изображал из себя наставника малолетних, не учил жить, а поговорить с ним было интересно.

Потом Коля сходил в магазин, купил кефир. Когда платил в кассу, нащупал в кармане ключ от квартиры Николая Николаевича и подумал — не забыть бы повесить его в коридоре на видном месте: когда придет друг из Мурманска, ключ сразу найдётся. Но, вернувшись домой, Коля ключ не повесил. У него возникла мысль.

Дело в том, что на письменном столе Николая Николаевича стояла модель фрегата. Она была из дерева, паруса матерчатые, ванты из шпагата, пушки настоящие, медные. Николай Николаевич сказал как-то, что фрегат сделан из двух тысяч

частей и точно скопирован с настоящего. Коля любил смотреть на фрегат. Если чуть присесть и прищурить глаза, можно представить, что фрегат плывёт по океану, а паруса обвисли, потому что вторую неделю стоит штиль.

Когда Фима Королёв из Колиного класса узнал про фрегат, он стал проситься в гости к Николаю Николаевичу, но Коля не спешил вести его в гости. Фиму опасно водить в гости, потому что он страшно нахальный, неуклюжий, обязательно что-нибудь схватит и разобьёт. Фиме надоело напоминать, и он сказал:

— Сними мне мерку с фрегата. Я собираюсь строить парусник, а литературы мало. Что тебе стоит помочь человеку!

Разговор с Фимкой был вчера, а сегодня Николай Николаевич заболел. Вечером приедут родители, ключ могут спрятать, а Фима ни за что не поверит, что сосед в больнице, — решит, что Коля опять выдумывает.

По этой причине Коля зашёл домой, взял лист бумаги, линейку и карандаш и открыл дверь к соседу.

В тот момент он не думал, что поступает плохо. Ведь если бы он спросил разрешения у Николая Николаевича, тот, наверно, не отказал бы.

Коля закрыл за собой дверь, спрятал ключ в карман, зажёл свет в коридоре, чтобы полюбоваться на африканские маски, которые висели на стене и скалили зубы.

Потом Коля не спеша прошёл в большую комнату, которая была кабинетом и спальней Николая Николаевича. Постель на диване была не убрана, простыни смяты, трубка телефона болталась у са-

мого пола. Коля представил себе, как Николай Николаевич тянется к телефону и набирает «03». Коля положил трубку на рычаг. Коля никогда не был в этой квартире один, и она, в сущности обыкновенная, казалась слишком уж опустевшей и даже чуть зловещей. Стоя посреди комнаты, Коля почувствовал, что поступил не совсем правильно, и ему захотелось уйти и не снимать мерок с фрегата.

А не ушёл он потому, что на стене висел старинный кремнёвый пистолет. Николай Николаевич давал его Коле подержать в руках, но половина удовольствия пропадает, если на тебя при этом смотрят. Коля снял со стены пистолет, отвёл ударник и прицелился в окно. За окном пролетала ворона. Коля спустил курок, пистолет негромко щёлкнул. Конечно, с пулями и порохом выстрел получился бы громче.

Коля повесил пистолет на место и тут увидел дверь в заднюю комнату. Дверь как дверь, но у неё была особенность: она всегда заперта. Сколько раз Коля бывал у соседа, никогда не видел, чтобы эта дверь открывалась. Коля давно задумывался, что могло бы скрываться за дверью, и раз спросил Николая Николаевича:

— А там у вас что?

— Про Синюю Бороду читал? — спросил в ответ Николай Николаевич.

— Да вы же не женаты.

— Там спрятаны любопытные мальчишки, — сказал Николай Николаевич. — Семь штук. Есть свободное место для восьмого.

На этом разговор кончился. Коля больше не спрашивал. У каждого своя гордость.

И вот сейчас Коля увидел, что в белой двери торчит ключ. Видно, Николай Николаевич не ожидал, что заболит, а потом забыл вынуть.

Коля подошёл к двери и стал думать. Наверно, какие-нибудь документы, бумаги или ценности. А может быть, коллекция марок. И вообще, если тебе не показывают комнату, нечего туда соваться.

Коля хотел вернуться к фрегату, но вдруг подумал: а что, если сосед держит в задней комнате какое-нибудь редкое животное? Настолько редкое и опасное, что его даже показывать никому нельзя. Допустим, змею анаконду длиной в двенадцать метров. И сейчас это редкое животное сидит голодное и не знает, что его некому кормить целый месяц. Если это анаконда или верблюд, это не так страшно, они могут обходиться без пищи и воды, но если тигр, то он будет несколько дней метаться по комнате и, если не удастся разломать стены, умрёт от голода. А если удастся, то это может кончиться ещё хуже. Ведь он выпрыгнет со второго этажа на газон, помнёт цветы пенсионерки Чувпило, проглотит пенсионерку, затем сожрёт киоск с мороженым и заболит ангиной.

Конечно, Коля не думал всерьёз, что тигр польстится на злую пенсионерку Чувпило, которая жалуется, что Коля слишком громко топает. Ему просто хотелось заглянуть в тайную комнату, но для этого нужно было моральное оправдание. А забота о голодном звере — лучшее моральное оправдание.

Коля немного постоял под дверью, послушал, не слышно ли за ней дыхания или шороха, но всё было тихо. Тогда Коля повернул ключ и приоткрыл дверь.

ЭТО НЕ ИНДИЯ

Коля думал, что только взглянет и заперёт дверь снова. Если, конечно, спрятанный верблюд не попросит напиток.

Дверь он открыл сантиметров на пять, не больше. Ничего не случилось. Он открыл дверь пошире, снова ничего не случилось. Тогда Коля сунул голову внутрь, и оказалось, что комната почти пустая.

Это была небольшая комната с зелёными стенами. Окно занавешено плотной занавеской, но внутри достаточно светло, чтобы всё разглядеть.

В комнате стояли два шкафа и стул.

Один шкаф старый, деревянный и очень вместительный. Его дверца была распахнута. Внутри висели разные костюмы и плащи, а под ними — мужские и женские ботинки и туфли разного размера. Во второй его половине на полках лежали простыни, наволочки, рубашки, всякое бельё. А снаружи к шкафу были прислонены три раскладушки.

Что должен предположить следопыт, когда он видит в квартире одинокого мужчины шкаф, набитый одеждой для разных людей?

Следопыт Коля предположил, что это вещи приезжих друзей Николая Николаевича. К нему часто приходили друзья и знакомые, приезжали из других городов и иногда гостили по неделе. С одним старичком Коля даже познакомился и провожал его до букинистического магазина. Тот старичок объяснил Коле, что он живёт в маленьком городе и не всегда может достать нужную книжку. А чтобы

не таскать с собой туда-сюда чемоданы, друзья Николая Николаевича оставляют вещи в Москве.

А на раскладушках они спят.

В общем, комната оказалась совсем неинтересной, и можно было спокойно уходить, если бы не второй шкаф.

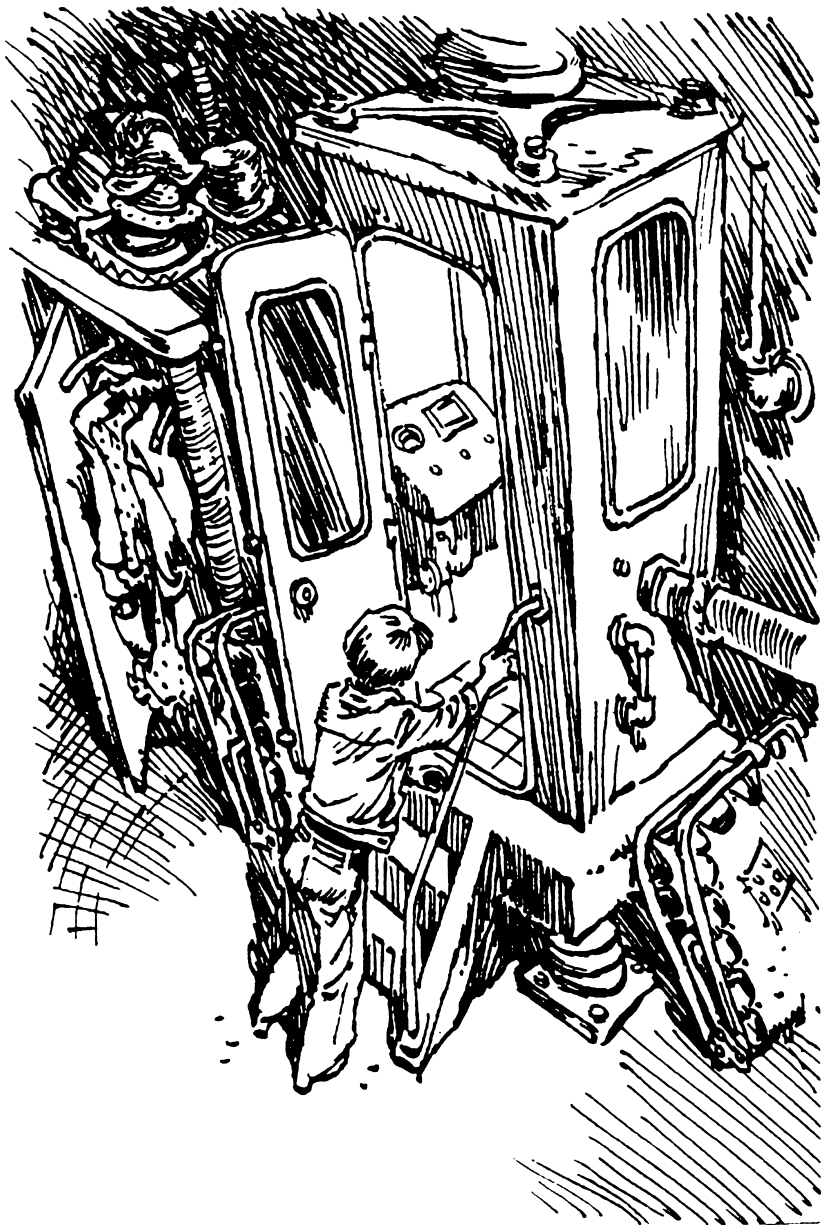
Это был необыкновенный шкаф. Он был похож на будку телефона-автомата, но покрупнее. Коля подошёл к стеклянной двери и заглянул внутрь. Вместо телефонного аппарата в будке была приборная панель, как в самолёте. И Коля понял, что именно в этой будке хранилась главная тайна комнаты.

— Одну минутку, — сказал Коля вслух, потому что он немного волновался и его раздирали два желания: желание уйти и желание поглядеть поближе на приборы, потому что он интересовался техникой, даже собрал в прошлом году радиоприёмник, который, правда, не работал.

Коля нажал на ручку застеклённой двери, и ручка повернулась мягко, словно смазанная. Дверь открылась, приглашая Колю заглянуть внутрь. Коля не стал спорить и вошёл в кабину. В кабине пахло электричеством, как во время грозы.

Коля стал рассматривать панель. По её нижней, вытянутой вперёд пологой части шло два ряда кнопок. Чуть повыше был ряд переключателей. Затем ряд циферблатов. Вся эта система была мёртвой, выключенной, и поэтому непонятно было, для чего она предназначена.

Как нарочно, взгляд Коли упал на переключатель, по одну сторону которого было написано «Вкл.», а по другую «Выкл.». Переключатель был повернут направо, к слову «Выкл.».

Никогда не поздно будет выключить снова, подумал Коля и повернул переключатель.

Возникло тихое жужжание, стрелки приборов на панели дрогнули, и некоторые из них передвинулись. Коля хотел было повернуть выключатель обратно, но тут услышал за спиной негромкий щелчок.

Он быстро оглянулся и увидел, что дверь закрылась. Он нажал на ручку с внутренней стороны двери, но ручка не подчинилась ему. Коля не растерялся. Он повернул переключатель влево, стрелки приборов вернулись к нулям, жужжание прекратилось, и дверь сама медленно раскрылась.

— Видите, — сказал Коля, — машины должны подчиняться человеку.

Он ещё раза два заставил дверь закрыться и открыться, а потом решил попробовать и другие переключатели, потому что в случае чего их всегда можно повернуть обратно.

Один, красный, переключатель торчал в конце второго ряда кнопок. Под ним было написано «Пуск». Под кнопками стояли номера и непонятные значки. Только под двумя были надписи: «Промежуточная станция» и «Конечная станция».

Это было любопытно. Коля повернул переключатель «Пуск», но ничего не произошло. Тогда он понял, что поспешил. Надо сначала повернуть переключатель на «Вкл.». Так он и сделал. Дверь закрылась. Он снова повернул переключатель «Пуск», и снова ничего не произошло. Значит, рассудил Коля, он ещё чего-то не сделал.

Коля был неглупым человеком и решил, что машине не хватает задания. И он нажал на кнопку «Промежуточная станция». На этот раз опыт удался настолько, что Коля пожалел, что начал пробовать.

Жужжание стало громким, почти оглушительным. Стекло дверь заволочлась туманом, и стекло стало матовым. Кабина мелко задрожала, словно кто-то включил зубоврачебную бормашину. Коля протянул руку, чтобы выключить поскорее это дрожание, но в этот момент на небольшом экране наверху пульта появилась красная, очень яркая надпись: «Внимание».

Надпись тут же погасла, и на её месте возникла другая, белая: «Проверьте, стоите ли вы в круге».

Коля взглянул вниз и увидел, что стоит на чёрном ребристом круглом коврикe, очерченном белой линией.

— Да, — сказал он, стараясь перекричать растущий гул. — Стою в круге!

Следующая надпись была ещё более строгой: «Не двигаться. Держитесь за поручень».

Коля не видел никакого поручня, но в этот момент довольно высоко, на уровне его глаз, из приборной панели выдвинулась держалка для рук. Она была рассчитана на рост взрослого человека. Коля послушно вцепился в прохладную трубку, потому что не смел спорить с надписями на экране.

«Закройте глаза», — приказала надпись.

Коля зажмурился.

И тут всё исчезло.

Ничего не было — ни верха, ни низа, ни воздуха, ни жары, ни холода. Только прохладный металл ручки, за которую держался Коля.

И сколько это продолжалось, Коля не знал. Наверно, недолго, а может быть, два часа. Он даже не мог испугаться и не мог закричать, потому что и страх и крик — это понятно, а как же можно пугаться, если ничего нет?

И вдруг всё кончилось. Осталось только жужжание. Коля ещё некоторое время постоял, пытаясь прийти в себя, а потом осмелился приоткрыть один глаз.

Он сразу увидел экран и на нём зелёную надпись: «Переброска завершена. Промежуточная станция».

Коля перевёл дух и поклялся себе никогда больше не залезать в те места, куда его не звали.

Теперь он знал, что делать. Он выключил переключатель «Пуск», потом повернул налево переключатель «Вкл. — Выкл.». Сразу стало очень тихо.

«Могло быть хуже, — подумал Коля, открывая дверь кабины. — И я, в общем, вёл себя молодцом и не очень струсил. Даже жалко, что нельзя никому рассказать».

Коля вышел из кабины и остановился, потому что в комнате что-то изменилось. Или его обманывали глаза. Во-первых, дверцы платяного шкафа были закрыты, хотя Коля их не трогал. Ну, это ещё не самое странное — дверцы могли сами захлопнуться, когда кабина дрожала, как перепуганный заяц. Но куда-то исчезли все раскладушки, а стены комнаты, которые только что были оклеены зелёными обоями, оказались совсем белыми, покрашенными. Коля даже протёр глаза. Не помогло.

Тогда Коля решил об этом не думать. Если совершенно ничего не понимаешь, лучше не думать. Этому правилу Коля следовал, если его вызывали к доске, а он не мог решить задачу или не знал, в каком году была открыта Америка. Тогда он смотрел в окно и не думал о задаче или Америке. Всё равно двойки не избежать. Если, правда, какая-нибудь добрая душа не подскажет.

Вот и теперь Коля не стал думать, нащупал в кармане ключ от квартиры и пошёл к выходу.

В большой комнате тоже был беспорядок. Фрегат исчез. Ну хорошо бы только фрегат исчез. Но исчез и стол, на котором стоял фрегат, исчез диван со смятыми простынями и одеялами, исчез телефон, исчез пистолет со стены — в общем, всё исчезло. Комната была та же, но, пока Коля стоял в кабине, кто-то выбелил стены, а вместо вещей насовал полную комнату приборов.

Что прикажете в таком случае думать?

И Коля, как человек умный, сразу придумал. Он недавно читал рассказ американского писателя Вашингтона Ирвинга. Про одного человека по имени Рип Ван Винкль, который пошёл в горы и заснул. Он вернулся к себе в деревню, идёт по улице, а его никто не узнаёт. Он хватя себя за лицо, а у него борода до пояса. Так он и догадался, что проспал двадцать лет подряд.

Подумав так, Коля схватил себя за подбородок и даже удивился, что бороды нет. А пока он щупал свой подбородок, он расстроился из-за родителей, которые двадцать лет назад вернулись со своего катера, видят на столе кефир, а сына нигде нет. Они обзвонили все больницы, приходила милиция с собакой, но всё впустую. Коля, двенадцати лет, пропал бесследно. И вот сейчас он выйдет на лестницу, постучит в дверь, откроют старенькая мама и старенький печальный отец и спросят: «Вы к кому, молодой человек?» А Коля скажет: «Я к вашему сыну». А они ответят: «У нас давно уже нет детей, потому что наш сын Николай двадцать лет назад пропал без вести».

С такими печальными мыслями Коля пересёк комнату. Он ожидал, что коридор тоже изменился

за двадцать лет. Но никак не мог предположить, что он **ТАК** изменился.

Коридора не было. Была комната в десять раз больше предыдущей, высотой в два этажа, тоже уставленная аппаратурой и непонятно как освещённая.

Этот зал занимал не только бывший коридор, но и лестничную площадку и даже квартиру, в которой жил Коля. Вот это был удар посильнее предыдущих.

Коля хотел было бежать обратно в кабину и жать на кнопки — вдруг это наваждение пройдёт, — но в этот момент ему в голову пришла другая мысль.

Что было написано под кнопкой? «Промежуточная станция», «Конечная станция». А что это значит? Станция, остановки... Значит, кабина — это новый вид быстроходного двигателя и Коля просто попал в другое место, в другой город... а может быть, в Индию? И, конечно, это не та же комната, а другая, похожая.

Как только Коля догадался об этом, он решил не спешить в кабину. Успеется. Нельзя отказываться от возможности заглянуть в Индию или в Самарканд.

Скоро Коля нашёл дверь. Она была такого же цвета, как стена, и её выдавала только узенькая щёлка, в волос толщиной. У края двери Коля нашёл белую кнопку. Он нажал на неё, и дверь уползла в сторону. Он очутился в длинном широком коридоре без окон. Может, в нём и были двери, но издали они сливались со стеной.

Что ж, пойдём дальше, решил Коля, а чтобы не потерять дверь — ищи её потом, — он положил возле неё пятак.

Никто ему в коридоре не встретился. Наверно, потому, что было воскресенье или ещё рано. Часов

у Коли нет, но ведь в разных местах Земли разные временные пояса, и потому в Индии может быть полдень, а если он попал на Гавайские острова, то и вечер.

Да, не зря сосед запирает заднюю комнату на ключ. Этот двигатель наверняка экспериментальный и, может быть, пока секретный. Ну ничего, можно не беспокоиться: Коля будет молчать. Никто даже под пытками не заставит его раскрыть чужую тайну.

За коридором была широкая лестница. Коля только собрался ступить на верхнюю ступеньку, как заметил, что внизу мелькнуло что-то блестящее. Он замер. Послышалось шуршание. Коля быстро отбежал на несколько шагов в сторону и присел за углом. Ему совсем не хотелось, чтобы его увидели и начали задавать вопросы: «А ты, мальчик, как здесь оказался? А тебе, мальчик, кто разрешил ездить в кабинах?»

Из своего укрытия Коля увидел, что по лестнице поднимается странное существо, то ли рыцарь-лилипут, то ли пылесос на ножках. Головы у уродца не было, зато многочисленные ручки прижимали к бокам и спине листочки, сор, а круглые щётки выскакивали из-под карлика и, вертясь, обмахивали перила и ступеньки, а мусор загоняли в блестящий мешок, прикрепленный сзади. Карлик-уборщик пробежал в метре от Коли и успел обмахнуть щёткой Колины штаны, а другой — почистить ботинки. И, не останавливаясь, поспешил дальше.

— Спасибо, — сказал уборщику Коля, и, хоть первая встреча кончилась благополучно, дальше он шёл осторожно и оглядывался, чтобы не попасться кому-нибудь на глаза.

Лестница привела Колю в большой вестибюль с прозрачной передней стеной. Стекло было такого большого размера, что удивительно, как его никто до сих пор случайно не разбил. Коля подошёл к стеклянной стене, разглядывая площадь спереди.

Площадь была покрыта молодой травой. За ней стояли распускающиеся деревья. Коля подумал, что в Москве листья ещё не распускаются и, значит, он приехал в южный город.

Нечаянно Коля дотронулся до стеклянной стены, и вдруг в ней появилось отверстие как раз в рост Коли. Стена, как живая, предлагала сквозь неё пройти.

Коля послушался.

На улице было не холодно, и Коле в куртке было как раз. Дул несильный ветер, за деревьями были видны высокие дома. Коля пересёк гладкую розовую дорожку и сделал несколько шагов прямо по газону. Потом обернулся, чтобы рассмотреть получше дом, из которого он вышел.

Дом был высокий, этажей в двадцать. Но окон в нём было мало. И мало углов. Как будто кто-то взял напильник и обточил дом. Он был переливчатого, перламутрового цвета. В некоторых местах строитель забыл загладить выемки и выпуклости, но потом Коля догадался, что это сделано нарочно. В выемках были балконы, а выпуклости были затянуты стеклом, словно стрекозиные глаза. Нельзя сказать, что Коле дом понравился, но он был человеком широких взглядов и считал, что каждый народ может строить такие дома, какие ему вздумается. Наверно, эскимосам, которые живут в снежных иглу, или индейцам из вигвамов смешно смотреть на высотные здания или избушки.

Над стеклянной стеной, сквозь которую Коля только что прошёл, по стеклу были выложены громадные золотые буквы:

ИНСТИТУТ ВРЕМЕНИ

А по бокам надписи — два больших, в два этажа, чёрных квадрата. Один из них был часами. В нём горели цифры: 9.15.35... 36... 37... 38... 39... Последняя цифра всё время менялась и означала секунды.

А вот второй квадрат разрушил все теории Коли.

В нём была надпись:

11 АПРЕЛЯ 2082 ГОДА
ВОСКРЕСЕНЬЕ

Вполне возможно, что другой на Колином месте схватился бы за голову, заплакал от ужаса и побежал обратно в Институт времени, чтобы поскорее вернуться домой, к маме. Ведь приключение, выпавшее на долю Коли, по плечу далеко не каждому. Надо иметь хорошую нервную систему. Это тебе не Рип Ван Винкль со своими жалкими двадцатью годами и нечёсаной бородой. Тут сто с лишним, даже черепахи по стольку редко живут.

А Коля обрадовался. Он сказал вслух:

— Ну дела!

И решил обратно пока не возвращаться.

Отца с матерью всё равно дома нет, Николай Николаевич в больнице. А если отказаться от прогулки по отдалённому будущему, то этого себе никогда в жизни не простишь. Может, Коля ещё

усомнился, если бы у него были грязные ботинки, но уборщик ему помог. Что ещё остаётся желать путешественнику по времени?

Глава 3

ДЕДУШКА-РОВЕСНИК

Сначала надо было решить, куда идти. Колин дом стоял в переулке Сивцев Вражек. Дом этот старый, построен ещё до революции. Коля рассудил так. Какие-то московские дома обязательно должны сохраниться — ведь даже раньше дома стояли по триста лет. Значит, если Коля пойдёт направо, туда, где раньше был Гоголевский бульвар, он что-нибудь знакомое да встретит. Ориентируется он неплохо, ни разу в лесу не заблудился. В Москве он не пропадёт. Даже через сто лет. Только лучше не спрашивать дорогу у прохожих: они заподозрят что-нибудь неладное.

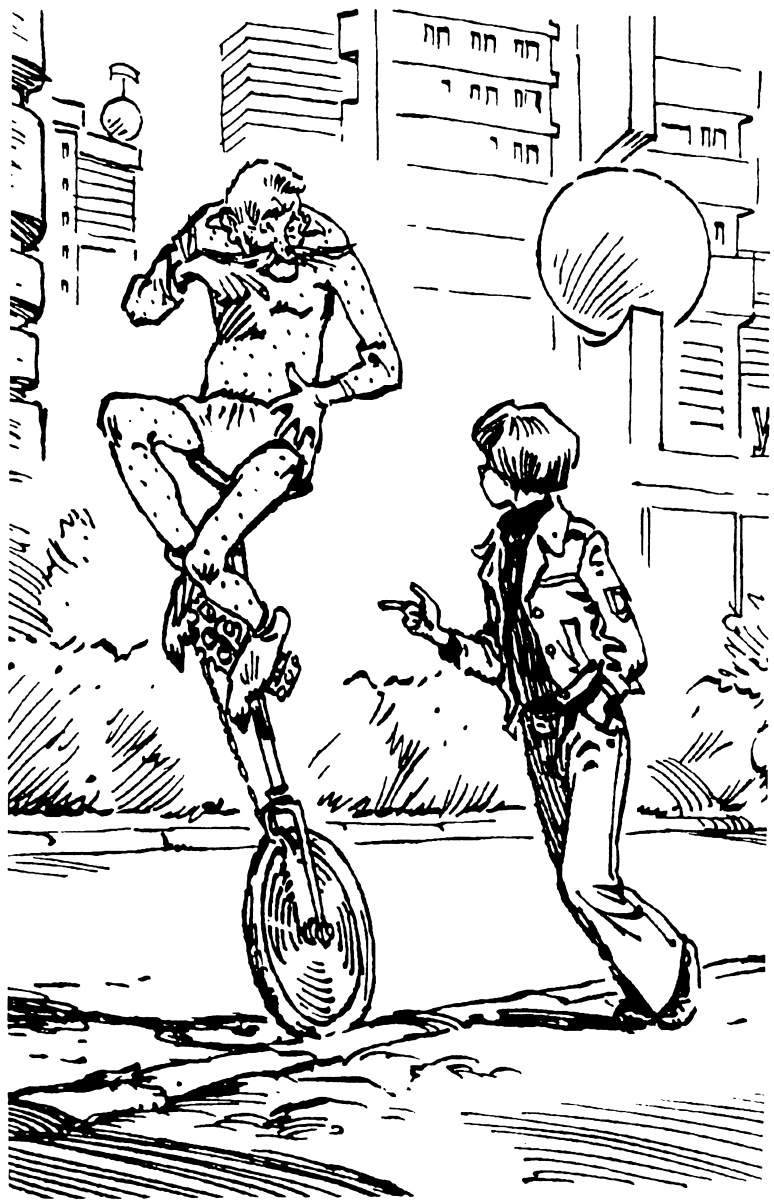
И Коля направился к бульвару.

Он шёл по розовой дорожке шириной метра три, которая чуть пружинила под ногами. За деревьями, окружавшими газон, дорожка влилась в широкую улицу.

Как только Коля вышел на неё, сзади раздался голос:

— С дороги, мальчик! Ты где шагаешь? Хочешь, чтобы тебя сбили?

Коля отпрыгнул в сторону и увидел, что его догоняет странный старик. Старик ехал на одноколёсном велосипеде, расставив руки для равновесия, будто цирковой акробат. Он и одет был как акробат: в зелёное облегающее трико и красные мягкие тапочки с длинными, острыми, даже чуть

свисающими вниз носами. У старика были седые волосы ёжиком и длинные усы, тоже расставленные, наверно для равновесия.

Старик догнал Колю и сказал:

— Проводи меня немного, мне скучно ехать одному.

Колесо велосипеда было небольшое, старику приходилось часто крутить педали, но всё равно ехал он медленно.

Коля пошёл рядом.

— Ты к маскараду готовишься? — спросил старик, осматривая самый обыкновенный Колин костюм.

Коля решил, что главное — осторожность.

— Да, — сказал он, — к маскараду.

— Ты неправильно оделся, — сказал старик. — В мои времена все мальчишки ходили в так называемой школьной форме. Школьная форма состояла из тёмно-серых с синим отливом брюк и такого... как бы сказать... пиджака. Ты знаешь, что такое пиджак?

— Представляю, — сказал Коля. И чуть было не добавил, что у его отца пиджак и вообще у всех мужчин пиджаки. Но тут же спохватился: прошло много времени, наверно, ребята забыли про пиджаки.

Но старик не обращал внимания на ответы Коли. Ему самому нравилось говорить. В кустах, рядом с дорогой, стояла скамейка. Она была мало похожа на скамейки, которым положено стоять на улице. Она была низкой, похожей на диван. Когда старик слез со своего колеса и сел, пригласив Колю последовать его примеру, оказалось, что скамейка мягкая, словно набита пухом.

— Отдохнём, — сказал старик. — Пять минут. Я немного запыхался. Меня зовут Павлом. А тебя?

— Коля.

— Ты не спешишь?

Коля не знал, что ответить. Он не знал, спешит он или нет. Конечно, жалко было сидеть на мягкой скамейке и терять время на разговоры о пиджаках, в которых Коля разбирался лучше старика Павла. Но старик был первым человеком из будущего, с которым Коля встретился. И он ни в чём Колю не подозревал.

Старик не стал ждать ответа.

— Так вот, — сказал он, — я должен подробнее объяснить тебе, что такое пиджак. Это старинный род одежды, в которой мужчины ходили во времена моей юности. Происходит он от сюртука, который носил Пушкин...

— А почему вы не купите двухколёсный велосипед? — перебил старика Коля. — Ведь неудобно на одноколёсном ездить.

— Врачи рекомендуют, — сказал старик. — Для развития мышц. В моём возрасте нельзя пренебрегать советами врачей. Ты хочешь мои мышцы пощупать?

Старик согнул руку в локте и дал Коле пощупать мышцы. Мышцы были крепкие. Покрепче, чем у Коли.

— Так вот, — продолжал старик. — Пиджаки застёгивались на пуговицы... Впрочем, ты об этом знаешь, в твоём маскарадном костюме есть эти неудобные предметы. Я рекомендую внести поправки в твой костюм.

— А мне кажется, — сказал Коля, стараясь говорить вежливо, — что у меня совершенно

правильный костюм. Он не школьный, а так, на каждый день.

— На каждый день мы носили белые рубашечки, — возразил старик Павел, — и чёрные брючки. И сандалии. Да-да, сандалии.

— Так это когда было... — сказал Коля. — Со всем в другое время.

— Как так — в другое? — удивился старик. — В какое другое?

Коля на взгляд прикинул возраст старика — получалось лет шестьдесят. 2082 минус шестьдесят — получается 2022. Плюс десять или двенадцать лет. Получается 2032.

— Ну в тридцатых годах этого века, — сказал Коля.

Старик начал хохотать так, что два зелёных попугая взлетели с ветки и закричали человеческими голосами:

— Позорр! Позорр! Кто соррвал ррозу?

— Ну и наивность! — сказал старик, вытирая слёзы. — Ну и шутник! Ты мне льстишь безбожно. Неужели я так молодо выгляжу?

— Не очень молодо, — сказал чистую правду Коля, — но на велосипеде вы катаетесь хоть куда.

— Тогда я открою тебе тайну. Мне завтра исполнится сто семнадцать лет.

— Не может быть! — сказал Коля. — Значит, вы из Абхазии?

— Почему?

— Там живут долгожители. Но они питаются сыром и вином и пасут овец.

— Нет. Я из Москвы, а питаюсь я большей частью кефиром и очень люблю бараньи отбивные. Ты любишь бараньи отбивные?

— Обожаю, — признался Коля. Он всё ещё не мог одолеть удивление. — Значит, мы с вами ровесники!

— В известном смысле, — согласился старик. — Если принять во внимание твой костюм, мы ровесники. Но должен тебе ещё раз с полной ответственностью повторить, что в моё время мальчики одевались иначе. Я мог забыть, что было пятьдесят лет назад, но что было в прошлом веке, помню.

Ну что ты будешь делать! Старик был так уверен, что спорить с ним невозможно. Да Коля и не хотел спорить. Он был поражён. Рядом с ним сидел его сверстник. Который через сто лет катается на одноколёсном велосипеде и носит красные тапочки. Значит, может, и Коля будет жить ещё сто лет?

— А как здоровье? — спросил Коля участливо. — Не беспокоит?

— Не жалуюсь. Спасибо медицине. Только сплю плохо.

— Ну это не страшно, — сказал Коля. — А вы какую школу кончали?

— Сто двадцать третью, английскую. На проспекте Мира.

— Я тоже в английской учусь, — сказал Коля. — Ду ю спик инглиш?

— Йес, ай ду, — сказал старик Павел. — И хорошо учишься?

— Когда как, — сказал Коля. — Задают много.

— А я думал, что теперь ничего не задают.

Коля спохватился:

— Иногда.

— А вот мои правнуки говорят, что ничего не задают. Наверно, я правильно делаю, что им не доверяю.

— А вы на какой каток ходили? — спросил Коля старика.

— Я — в Сокольники. А ты?

— Я — в Парк культуры.

Но тут Коля решил больше не углубляться в воспоминания, потому что он наверняка сморозит какую-нибудь глупость. Пять минут прошло, но старик Павел не спешил уходить. Ему нравилось беседовать с молодым человеком, который вдвое уменьшил его возраст. Как известно, пожилые люди обожают, когда им вдвое уменьшают возраст.

По небу протянулась белая полоса. Она так быстро возникла, что никакой реактивный самолёт с такой скоростью не смог бы пролететь.

— Что это? — спросил Коля.

— Сплинтер, — сказал старик равнодушно. — А может, рейсовый на Луну. Там ведь фестиваль. Разве не знаешь?

— Знаю, — сказал Коля. — Но мы к маскараду готовимся.

Над улицей медленно летел перламутровый шар в полметра диаметром. Поравнявшись со скамейкой, шар изменил свой путь и направился прямо к ним. Коля немного испугался, но старик поманил шар и, когда тот приблизился на расстояние вытянутой руки, щёлкнул пальцем по его боку. В шаре появилось отверстие, и из него на ладонь старику Павлу выпала чёрная штука, похожая на портсигар.

— Почитаем газетку, — сказал старик.

Шар взвился в воздух и отправился искать других читателей.

Коля искоса поглядывал на старика, который нажал какую-то кнопку сбоку портсигара, портсигар превратился в разноцветный экран, и по нему

побежали различные кадры. Коле неудобно было заглядывать сбоку, он только услышал, как мелодичный женский голос произнёс:

«...Фестиваль на Луне обещает быть самым интересным зрелищем этого года... Началась дискуссия в ООН...»

В этот момент Коля отвлёкся, потому что по улице наперегонки, не касаясь мостовой, промчались три прозрачных шара, в которых на мягких сиденьях расположились люди. Они шарами не управляли, а один из них даже читал такую же газету, как старик Павел.

Коля вспомнил, что время идёт, все куда-то едут, он один бездельничает.

— Простите, — спросил он, — который час?

Колин ровесник, не отрываясь от газеты, протянул к Коле руку. На запястье старика был браслет, широкий, но без всяких изображений. Вдруг на браслете вспыхнули слова и цифры:

Время 10:12:36

t° +15 °С. Дождя не будет.

— Спасибо, — сказал Коля, который решил ничему не удивляться.

Глава 4

СИНЯЯ ЛОШАДЬ И ДРУГИЕ ЛИНГВИСТЫ

Ровесник Коли, которого можно было бы назвать Пашкой, если бы он не был таким старым, углубился в чтение газеты и обо всём забыл. Поэтому Коля тихонько поднялся со скамейки

и пошёл дальше. У него появилась идея: попасть на космодром и, если удастся, стонять на Луну. Туда же ходят туристские корабли, значит, это не долго. Конечно, Коля понимал, что, если он проживёт столько, сколько старик Павел, или чуть поменьше, он ещё не раз слетает на Луну или на Марс. Но это когда-то. А ведь человеку всё хочется получить сейчас. Коля не стал спрашивать старика, как пройти на космодром, потому что каждый москвич через сто лет должен будет это знать.

Коля поглядел по сторонам и увидел знакомый дом. Дом стоял на высоком склоне холма, его колонны белели за деревьями. Сто лет назад дом стоял на Гоголевском бульваре, в нём был Союз художников и даже висела памятная доска, что здесь жил Тургенев.

— Здравствуй, старый знакомый, — сказал Коля. — Приятно встретиться со старым домом.

— Здравствуйте, — ответил кто-то рядом. — Разве мы с вами раньше встречались?

Коля оглянулся, но никого рядом не было.

— Я с вами и сейчас ещё не встретился, — сказал Коля. — Вы где?

— Если вы сделаете ещё шаг, то обязательно на меня наступите. И это будет грустно.

Коля посмотрел под ноги и увидел светло-зелёного котёнка с одним сиреневым глазом посреди лба.

— Нет, — сказал Коля, присмотревшись к странному животному. — Мы с вами ещё не встречались. У нас такие не водятся.

— Тогда разрешите представиться: я известный космический археолог, специалист по вымершим языкам профессор Рrrrr.

— Коля.

— Очень приятно. Почему же вы остались в городе в этот воскресный день? Все мои друзья разъехались кто куда.

— Мы к маскараду готовимся. Из жизни двадцатого века, — сказал Коля. — А вы с другой планеты?

— Разумеется. Я здесь на семинаре по структурной лингвистике. Вы не интересуетесь структурной лингвистикой? Это очень увлекательно. У нас в семинаре два семиклассника и один третьеклассник. Не считая профессоров и академиков.

— Нет, — признался Коля, — лингвистикой я не интересуюсь. Я интересуюсь футболом.

— И я тоже, — сказал Рррр. — И даже иду на футбол. Какое совпадение!

— А кто играет? — спросил Коля.

— А вы не знаете! — От удивления Рррр развёл зелёными пушистыми ручками. — Это же матч века! Сборная Марса со сборной внешних баз. На Кубок Системы.

— А когда начало?

— Через полчаса. Мы успеем. У вас есть билет?

— Нет у меня билета, — сказал Коля. И расстроился. На матче тоже стоило побывать. Хотя на космодроме нужнее.

— Погодите немного, мой молодой друг, — сказал археолог Рррр. — Сейчас подойдёт доцент Спуси-ва-пус-ва-пас-ва-пос. Может быть, у него есть лишний билет.

— Хорошо, — согласился Коля. — Подождём доцента. А скажите мне, пожалуйста, как проехать на космодром?

— Не может быть, чтобы вы не знали! — воскликнул Рррр. — Вы шутите!

— Ни в коем случае, — сказал Коля. — Я забыл.

— Так садитесь на третий автобус, — сказал Рррр. — Выйдете на проспекте Мира. А оттуда флипнете до космодрома.

— Спасибо, — сказал Коля. — А где третий останавливается?

Рррр засмеялся тонким голоском и не мог остановиться. Видно, слова Коли показались ему очень смешной шуткой. Он собирался смеяться до бесконечности, но тут рядом раздался строгий бас:

— Что смешного? Юноша играет свою маскарадную роль.

— Ах, — сказал археолог Рррр. — Разрешите представить: мой друг доцент Спусси-ва-пус-ва-пас-ва-пос. А это мой новый друг Коля.

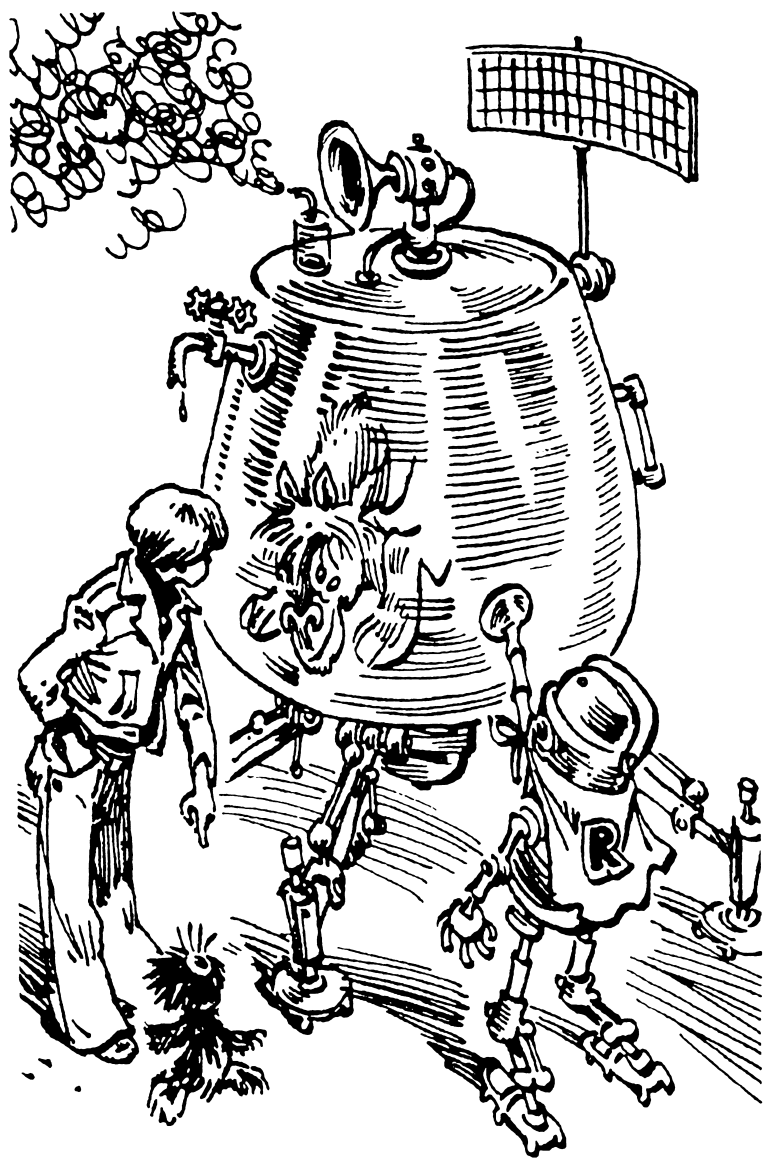
— Очень приятно, — сказал двухметровый аквариум на трёх ногах. Внутри аквариума сидела небольшая синяя лошадь. Перед её мордой висел в воде микрофон, а снаружи аквариума высовывался небольшой рупор. — И не смотрите на меня квадратными глазами, молодой человек. Я же не виноват в том, что на Земле никуда не годная атмосфера и приходится ходить в скафандре.

— Конечно, я не удивляюсь, — сказал Коля. — Вы ведь тоже с другой планеты?

— Из другой галактики, — пробасила синяя лошадь.

— Послушай, доцент, — спросил Рррр, — у тебя нет случайно лишнего билетика для нашего друга Коли?

— У меня было четыре билета, потому что я не умещаюсь на одном месте. Но один билет я отдал

моему коллеге доктору Команьяну с планеты Кроманьян. А вот и он идёт.

Коля с некоторой опаской поглядел в ту сторону, потому что ждал уже кого угодно. Но доктор Команьян с Кроманьяна оказался обычной садовой лейкой с ногами и руками.

— Так что же нам делать с Колей? — расстраивался археолог Рррр.

— Он может сесть на меня сверху, — сказал доцент Спусси и так далее, — и спустить ножки в аквариум-скафандр.

— Нет, — возразил Команьян с Кроманьяна, похожий на садовую лейку. — Зрители сзади будут сердиться. Они и без того будут на тебя сердиться за то, что ты заслоняешь им зрелище.

— Пускай смотрят сквозь меня. Я частично прозрачный, — сказала синяя лошадь.

— Не расстраивайтесь, — успокоил учёных лингвистов Коля. — У меня другие дела. Я на космодром съезжу.

— Нет, — сказал археолог Рррр, — я этого не допущу. Я отдам тебе свой билет. Моя подруга Алиса сделала бы то же самое.

— Ничего не выйдет, — сказал Команьян с Кроманьяна. — Ты забыл, что у тебя не полный билет, а четвертушка. Ты сам будешь сидеть у меня на коленях.

И чтобы ни у кого не было сомнений, что у него есть колени, доктор Команьян с Кроманьяна щёлкнул костяным пальцем по костяному острому колену.

«Бедный Рррр, — подумал Коля. — Эти колени проткнул его насквозь».

— Ну, до свидания, — сказал он. — А то вы опоздаете. При встрече всё мне расскажете.

Космические гости поспешили дальше, и, пока они не скрылись из виду, Коля смотрел им вслед. Справа шёл аквариум с синей лошадкой, слева — садовая лейка, а посередине — котёнок без хвоста. Они уже забыли о Коле и громко обсуждали проблему расшифровки восьмого главного ряда.

Космических гостей обгоняли другие болельщики. Некоторые шли пешком, иные летели над самой землёй в прозрачных шарах, над головой пронеслась стая мальчишек с крыльями за спиной. Они махали этими крыльями, как стрекозы. Все они были одеты ярко и даже легкомысленно, а некоторые, несмотря на прохладный день, в одних плавках. Друг другу они совсем не удивлялись и даже космическим гостям не удивлялись, а вот на Колю смотрели с изумлением, а одна девочка, которая делала шаги по десять метров, потому что вместо туфель у неё были пружины, подпрыгнула к Коле и сказала:

— А у нас маскарад интереснее. Мы в рыцарей одевались.

— погоди, ребёнок, — сказал Коля. — Скажи мне, где найти третий автобус?

— Иди налево по бульвару, — сказала девочка. — Он у памятника Гоголю стоит.

Глава 5

ТЫ ЛЮБИШЬ МАНГОДЫНЮ?

Бульвар сильно изменился за прошедшие годы. Во-первых, он стал втрое, если не впятеро шире, так что, если идёшь посередине, краёв не видно. Во-вторых, деревья и вообще растения изменились. Правда, осталось несколько старых деревьев, лип и клёнов, но между ними росли

цветущие яблони, груши и даже пальмы. Когда Коля подошёл поближе, он обнаружил, что некоторые из деревьев, видно самые нежные, были окутаны тонким прозрачным пластиком, а вокруг других циркулировал тёплый воздух, который поднимался из решёток, спрятанных в молодой траве. Рядом с дорожкой стояло странное дерево — будто лопух или, вернее, щавель, увеличенный в тысячу раз. Между листьями висела гроздь зелёных бананов. А на земле рядом с деревом сидела мартышка и чистила сорванный банан.

При виде такого тропического зрелища Коля вспомнил, что он голодный. Кроме стакана кефира и бутерброда с чаем, он ничего с самого утра не ел. Кроме того, он любил бананы. И он подумал: если обезьяне можно питаться плодами на Гоголевском бульваре, то человеку это тем более не запрещено.

На всякий случай Коля осмотрелся, но никого не увидел. Он подошёл к банановому дереву и сказал мартышке:

— Отойди, а то укусишь.

Мартышка оскалилась, но отошла и снова принялась чистить банан.

Коля встал на цыпочки и начал отрывать банан от грозди. Банан отрывался с трудом, всё дерево раскачивалось. Еле-еле Коля отодрал один плод от грозди и только хотел сесть рядом с мартышкой и очистить его, как из кустов вышел здоровый парень постарше Коли, в красных трусах, на которых были нашиты кометы, и сказал:

— Дурак! Что ты делаешь?

Если бы это был взрослый, то Коля, наверно, извинился, но перед парнем Коля извиняться не хотел.

— А что? — сказал он. — Обезьянам можно, а мне нельзя?

— Он же незрелый. И вообще кормовой, для скота выведен. Ты что, бананы любишь?

— А тебе какое дело?

— А мне никакого.

— Так и иди своей дорогой.

— Не пойду. Я селекцию провожу, а ты себя ведёшь как грудной ребёнок.

— А обезьяна? — спросил Коля. — Ты посмотри, сколько возле неё кожурки валяется.

— Сравнил себя с обезьяной! — сказал презрительно селекционер. — Для неё же это основная пища.

Мартышка заметила, что на неё смотрят, и на всякий случай сиганула с бананом в лапе на ветку липы.

— Пойдём, — сказал селекционер.

— Не пойду, — сказал Коля.

— Боишься, что ли?

— Я? Боюсь? Да я таких, как ты, десяток одной левой перекидаю!

— А я с тобой и связываться не буду. Мы в разных весовых категориях, — сказал селекционер. — А банан ты ешь, если хочется. Мне не жалко. Всё равно уже сорвал.

— Я его для обезьяны сорвал, — соврал Коля. — У меня дома обезьяна живёт, вот я и сорвал.

— А ты где живёшь?

— Далёко, — сказал Коля.

— Не в Москве?

— Нет, не в Москве.

— А где?

Коля стал быстро думать и вспомнил, что его бабушка живёт в Конотопе.

— В Конотопе, — сказал Коля.

— Знаю, — сказал селекционер. — Оттуда родом Милена Митина, правда?

— Правда, — согласился Коля. Надо же так: сейчас будет спрашивать про какую-то Милену Митину, а Коля даже не знает, чем она знаменита!

— Нет, — поправил сам себя селекционер. — Милена из Костромы. В Конотопе шахту к центру Земли роют.

— Роют, — сказал Коля убитым голосом.

— Станный ты какой-то, — сказал селекционер. — Тебя как зовут?

— Коля.

— А меня Джавад. Ты в чём специализируешься?

— Как так?

— Ну, кем будешь?

Коля не успел придумать ответ. Он уже понял, что всякие там старики куда менее опасны, чем свой брат школьник.

К счастью, Джавад тут же отвлёкся. Они вышли на поляну, посреди которой был большой бассейн. За бассейном — поляна, усеянная цветами и небольшими кустиками. Среди цветов виднелись яркие одежды людей.

— Эй! — крикнул Джавад. — Лена, выходи, дело есть!

В центре бассейна вода забурилась, и в брызгах появилась девочка. Не вынырнула, а словно поднялась по пояс. И тут Коля понял, что девочка сидит верхом на огромной рыбе. Рыба быстро поплыла

по кругу, выставив из воды гладкую блестящую спину. А когда рыба подплыла к краю бассейна, где стояли Коля с Джавадом, оказалось, что это не рыба, а дельфин. Дельфин замер у кромки воды, глядя на Колю весёлым маленьким глазом, и Коля протянул ему банан.

— Не сходи с ума, — схватил его за руку Джавад. — Ты его потом будешь от поноса лечить? Разве дельфины едят бананы?

— У нас в Конотопе дельфины питаются только бананами, — сказал Коля.

Девочка, которая спрыгнула с дельфина, была помладше Коли, ей было лет десять, не больше.

— Здравствуйте, — сказала она. — Ты меня звал, Джавад?

— Слушай, Лена, — сказал Джавад, — этого парня зовут Коля. Он, наверно, с маскарада сбежал. И, по-моему, он голодный. У тебя найдётся что-нибудь вкусное?

— Я не голодный, — сказал Коля.

Дельфин замер у края бассейна, высунув курносую морду. Будто подслушивал.

— В лаборатории на столе мангодыни лежат, — сказала Лена. — Их Алиса вчера сняла. Пальчики оближешь. А ты Алису не видел?

— Нет. Она хотела прийти?

— Она обещала миелофон принести. Мы с Гришкой и Машкой работаем.

Лена махнула рукой в сторону бассейна, и Коля увидел, что к дельфину подплыл второй и тоже стал слушать, о чём здесь говорят. Ясное дело — их звали Гришкой и Машкой.

— А откуда морскую воду берёте? — спросил Коля, чтобы не стоять без дела.

— Синтетическая, — сказала Лена. — А разве у вас в Конотопе не такая?

— В Конотопе дельфины пресноводные, — сказал Коля.

— Ты его не слушай, — сказал Джавад. — Пошли. Я сам с удовольствием мангодыню попробую. Поразительный гибрид!

За бассейном стоял белый домик, такой же обтекаемый и почти бесформенный, как Институт времени. Коля, когда они подошли поближе, увидел, что стена вся в мелких порах, словно пенистая. Отец у Коли строитель, поэтому он всегда интересуется строительными материалами и немного в них разбирается. В прошлом году он сам собирался стать строителем, но в этом году передумал — его заинтересовал космос.

— Пенобетон? — спросил Коля у Джавада.

— Какой ещё пенобетон? — удивился Джавад. — Меня твоя отсталость просто поражает! Если бы я не придерживался железного принципа не задавать лишних вопросов людям, которые не хотят на них отвечать, я бы тебя кое о чём спросил.

— Не надо, — сказал Коля. — Воздержимся от беседы, как говорят у нас в Конотопе.

Они вошли внутрь и оказались в просторной комнате, у стен которой стояли столы с приборами, а посередине — круглый стол, где на блюде лежали три плода. Плоды были размером с небольшую дыню, но не очень правильной формы и оранжевого цвета.

— Ладно, — сказал Джавад, — закусим мангодыней. Если хочешь, можешь задавать вопросы. Мне скрывать нечего.

Джавад достал нож, разрезал мангодыню. Внутри оказалась большая косточка, свободно выпавшая на блюдо.

— У обычного манго, — сказал Джавад, — косточку от мякоти трудно отделить.

— Знаю, — сказал Коля. — Пробовали. Все пальцы соком измажешь, пока справишься.

Джавад нарезал мангодыню на дольки, и они принялись за еду. Еда была исключительная. Сладкая, сочная и мягкая. Что тут было от дыни, а что от манго, Коля не разбирал. Он получал удовольствие.

— Это чья лаборатория? — спросил он.

— Школьная. А чья же ещё?

— А дельфины тоже школьные?

— Тоже школьные. И обезьяны, и питон Архимед.

— А где питон?

— Там, на липе спит. Я тебе потом покажу.

— Длинный? — спросил Коля.

— Средний. Метров пять. Вот у геофизиков в группе крупный живёт. Почти девять метров. И совсем не приученный. Они его на гормонах держат. Хочешь, потом сфлипаем, посмотрим?

— Нет, — сказал Коля, — некогда мне с тобой флипать. А ты что, бананами занимаешься? Делать больше нечего?

— Бананы — пища будущего, — сказал Джавад. — Только их надо обогатить. Я не верю в победу белковой синтетики. А ты?

— Я об этом не думал, — сказал Коля.

— А тебе в твоей хламиде не жарко?

— Жарко будет — сниму.

— Ты сейчас куда?

— На космодром.

— Зачем?

— Погляжу. Может, на Луну слетаю.

— На Луну сейчас не попадёшь. Там фестиваль. Билетов нет. Я пытался.

— Жалко, — сказал Коля. — Ну, тогда на Марс попытаюсь.

— Туда нас, подростков, редко берут. Только с экскурсиями.

— Я всё равно на космодром съезжу.

— Ты что, космодромов не видал?

— У нас в Конотопе нету.

— Сильно сомневаюсь, — сказал Джавад, — что ты правду говоришь. Ладно, поезжай. На тройку садись, у памятника Гоголю. Я тебя провожу немного.

Они прошли мимо клумб, на которых ребята, большей частью малыши, занимались прополкой и другими садовыми работами.

— Хочешь взглянуть? Наверно, в Конотопе нет, — сказал Джавад, подводя его к парню, который сидел на корточках возле небольшой грядки. — Только в прошлом году привезли с Альдебарана. Акклиматизацию проводим. Покажи ему, Аркаша.

Аркаша сказал:

— С удовольствием.

Вынул из прозрачного мешка два семечка поменьше горошины, сделал в земле углубление, сунул туда семена, потом подтянул к себе наконечник шланга и как следует семена эти полил.

— И когда мне возвращаться? — спросил Коля. — В июне?

— Погоди. Дикий ты какой-то! — сказал Джавад. — Смотри.

И тут Коля собственными глазами увидел, как из земли медленно вылезают два зелёных побега. Аркаша снова полил их, и они начали расти ещё быстрее. Через минуту они были сантиметров по двадцать высотой и начали немножко ветвиться.

— Сбегай за удобрениями! — крикнул Аркаша. — Они в лаборатории лежат, на моём столе.

Сверкая голыми пятками, Джавад умчался к лаборатории. Со всех сторон сошлись другие ботаники и натуралисты. Коля увидел, что листва большого клёна на краю поляны расступилась и оттуда показалась голова громадного питона, который с любопытством наблюдал за сборищем. Но никто на него не обращал внимания, так что Коля тоже сделал вид, что привык, чтобы рядышком висели питоны. Одна девочка, на вид первоклассница, пришла со странным зверем на плече. Был он как попугай, но с двумя головами. Одной головой эта птица смотрела на зелёные ростки, а другой поглядывала на питона.

Когда Джавад вернулся с пакетом удобрений, ростки поднялись уже на метр, и на их ветках появились почки. Джавад насыпал под корни удобрения, и концы корешков высунулись наружу и начали довольно хищно эти удобрения подгрести под себя. Коля даже сделал шаг в сторону. На всякий случай.

На ветках появились жёлтые цветочки, и к тому времени, как ростки выросли до трёх метров, цветы осыпались, и из завязи стали развиваться плоды. Коля не мог оторваться от этого зрелища. Прошло ещё минуты две-три, и плоды, похожие сначала на зелёные колечки, подросли и начали желтеть. Что-то они напоминали Коле, только не мог он понять что.

Вдруг один из плодов оторвался с ветки и упал на землю. Птица с двумя головами спрыгнула с плеча девочки и подхватила плод обоими клювами, но никак не могла поднять с земли, потому что головы мешали друг дружке.

Все засмеялись, а девочка, будто оправдываясь, сказала Коле:

— Вы не смейтесь. Он недавно изобретён, ещё не освоился.

Остальные плоды один за другим падали на траву.

Джавад подобрал три покрупнее и протянул Коле:

— На, по дороге на Луну пригодятся.

— Они съедобные, что ли?

— Попробуй.

Коля откусил кусок от плода, и оказалось, что это самый обыкновенный бублик, не горячий, без мака, зато очень свежий.

— Ну и дела! — сказал он. — А что, на Альдебаране на всех деревьях бублики растут?

— Скажешь тоже! — удивился Аркаша, который собрал остальные бублики в корзину. — Я от альдебаранских растений только скорость роста использовал. К остальному шёл через пшеницу и хлебное дерево.

Когда Коля с Джавадом отошли так, чтобы остальные их не слышали, Джавад сказал:

— Будущий гений генетики. У него мечта есть. Хорошо, когда у человека есть мечта.

— А какая?

— Выращивать завтраки для космического флота. Чтобы были запакованные, с варёной курицей, рисом и чёрной икрой. Ничего себе задача?

— Неплохо, — сказал Коля, жуя бублик. — А нельзя у него одно семечко попросить?

— Для тебя просить не буду, — сказал Джавад. — Не потому, что плохо отношусь, а потому, что ты скрытный. И про Конотоп наврал.

— Ну ладно, обойдёмся, — сказал Коля. — За дыню спасибо.

— До свидания. Может, увидимся. Жалко, что Алису ты не дождался, она бы тебе помогла в космос слетать. У неё большие знакомства в Дальнем флоте. Она, наверно, на двадцати планетах уже побывала.

— А сколько ей лет? — спросил Коля. — Когда успела?

— Сколько и нам с тобой. Одиннадцать.

— Мне двенадцать, — сказал Коля. — Привет Алисе. Я пошёл.

Глава 6

КАК ВЫРАСТИТЬ ДОМ

До памятника Гоголю Коля дошёл не сразу. Пришлось ещё раз отвлечься.

Обходя густые заросли, Коля вышел к самому краю бульвара и увидел, как совсем рядом строят дома.

Коля не сразу догадался, в чём дело. На краю дороги, там, где кончалась трава бульвара, стоял молодой человек с большой чёрной бородой. Он смотрел вверх, через улицу, где возвышался недостроенный дом.

Дом был сделан из того же пористого материала, что Институт времени и школьная лаборатория. Так же, как они, он был построен

неправильно. Он возвышался, словно песочный кулич, непонятно было, будут его строить выше или уже можно остановиться. Подъезд дома был полукруглый, окна разные, маленькие и большие, овальные и квадратные. Над подъездом нависал горб, и на нём росло небольшое пушистое дерево.

На верху дома, по пояс возвышаясь над стеной, стояли два человека и держали в руках кипы прутьев и гнутых палок. А человек с чёрной бородой смотрел на них снизу и командовал:

— Правее ставь!.. Ещё правее! Да скорее, пока не затвердело!

Люди наверху втыкали в стену прутья, некоторые прямо, а некоторые под углом.

Скоро вся стена сверху была утыкана палками и прутьями.

— Всё! — крикнул чернобородый. — Начинайте. Только с твоей, Вениамин, стороны поменьше затравки. Я хочу, чтобы Лёвочкина сторона набрала силу.

Люди на стене нагнулись, достали штуки вроде огнетушителей и распылили на стену порошок. Потом у них в руках оказались шланги, и они принялись стену поливать. Строители напоминали Коле Аркашу с его бубликовым гибридом. Коля даже ожидал увидеть, как из стены полезут зелёные веточки, но ничего подобного не случилось. Зато начала расти сама стена.

Она росла не равномерно, а как бы вытягивалась вдоль прутиков.

— Вениамин, не жалея питательного раствора! — суетился внизу бородач. — Линия получается незавершённая!

Стена постепенно заполняла промежутки между прутьями, но в тех местах, где прутья были

выгнуты вперёд, стена тоже выдавалась. Вениамин, рискуя упасть, наклонился и стал быстро втыкать новый ряд прутьев. И тут Коля увидел, что получается круглый балкон. Второй строитель, Лёва, начал быстро отгибать прутья за спиной Вениамина, и строительное вещество послушно потекло по ним, образуя дверной проём.

— Ну и как тебе это нравится? — спросил бородач у Коли.

— Вообще-то нравится, — сказал Коля, — хотя, простите, архитектура не очень подходящая.

— Почему же так?

— Я привык, что у домов должны быть углы и прямые стены, — сказал Коля. — Ну как в старинных зданиях.

— Так это же не от хорошей жизни, — сказал бородач.

— Что не от хорошей жизни?

— Послушай, молодой человек, ты, я вижу, любишь историю, даже по городу в исторической одежде расхаживаешь.

— Я для маскарада.

— Не важно. Для маскарада мог при-григлем одеться. Или сафовые банбары нацепить. Так вот, для полноты картины я тебе скажу: из чего раньше строили дома?

— Из кирпича, из дерева, из бетона, из блоков...

— Молодец, парень! Смотри, какой образованный! Это не каждый взрослый знает.

— Ещё из керамзитовых плит, из бетонных панелей, из камней, а в тропических странах из тростника, а эскимосы из снега, а индейцы и ненцы из оленьих шкур.

— Я потрясён твоей эрудицией, Дидро!

— Я не Дидро. Меня зовут Колей.

— Но Дидро тоже был энциклопедистом. Так вот, каждый строительный материал диктовал людям форму домов. Что проще построить из кирпича — кубик или шар?

— Конечно, кубик.

— А из плит, из блоков?

— Тоже кубик. А вот из бетона можно что хочешь.

— Конечно. Но это очень дорого. Люди редко когда могли позволить себе делать необычные формы из монолитного бетона. Но вот когда мы научились дома растить...

— Как так?

— Ну вот, ты меня разочаровываешь! Про старинные материалы всё знаешь, а про наши забыл.

— Забыл, — сказал Коля и развёл руками. — Я же историк.

— Историк должен лучше всего знать сегодняшней день, — сказал бородач нравоучительно. — Для того история и существует, чтобы объяснять, почему мы сегодня живём так, а не иначе.

— А вам сколько лет? — спросил Коля.

— Мне? Скоро будет девятнадцать. А при чём мой возраст?

— А потому, что разница между моим и вашим возрастом незначительная, — сказал Коля. — Всего семь лет.

— Но принципиальная, — ответил бородач.

— Эй, Валечка! — крикнул со стены Вениамин. — Стена затвердела! Не отвлекайся. А то мы до вечера дом не построим.

— Да, они правы, — сказал бородач. — Это строительство — моя дипломная работа. Завтра защищать проект, а я его ещё не сфантазировал.

— Вы учитесь, а вам разрешают в центре города дом строить?

— А почему бы и нет? Это же моё призвание. Притом я не один строю. Я проектирую внешний облик, то есть я архитектор. Веня конструктор — он все перекрытия делает, лестницы и так далее. А Лёва сантехник. Ты знаешь, что такое сантехника?

— Санузлы и ванные, — сказал Коля.

— Правильно. А ещё ты забыл про мусоросборники, аннигиляторы, продовольственные доставки, почтовые трубы, телесеть и так далее и тому подобное. Так что дом построить в наши дни — дело непростое. Только наивные люди полагают, что день — это слишком много для четырёхэтажного дома. Иногда, бывает, даже с двухэтажным так вымотаешься, что две недели и смотреть на коралл не хочется.

— На что?

— Да на коралл. Это, конечно, не совсем точное название, но так уж повелось. Ты про коралловые рифы читал?

— Читал.

— А видеть приходилось?

— Нет, как-то всё недосуг.

— Ничего себе, ему недосуг на Тихий океан слетать! Тоже мне романтик! Я в твоём возрасте каждое воскресенье на коралловые атоллы летал.

— У каждого свои интересы, — возразил Коля.

— Извини, ты прав. Так вот, коралловые рифы, какие бы они ни были огромные, построены крошечными коралловыми полипами. Каждый полип сооружает себе известковую нору и в ней живёт. А как умрёт, на его норе другой строит свой домик, и так далее. То есть коралловые рифы состоят из

миллиардов коралловых домов и коралловых скелетов. Только кораллы строят свои рифы миллионы лет, а люди нашли бактерию, которая трудится по принципу коралла, но растёт и размножается очень быстро. Если рассыпать споры коралловой бактерии и полить их питательным раствором, начнётся рост стены, шара, хижины, чего твоей душе угодно. И дом из кораллов растёт в ту сторону, куда его направишь арматурой. И со временем становится всё крепче. Он ведь цельный — ему ни землетрясение не страшно, ни пожар, ни мороз. А главное — ему можно придавать какую угодно форму. С тех пор как коралл появился в строительстве, всё изменилось. Теперь архитектор стал настоящим художником. Мы строим дома, как художники пишут картины. Не понравился дом — его обливают растворителем, а потом пыль выметают. Но признайся, ты всё и без меня знаешь?

— Знаю, да не всё, — сказал Коля. — А можно мне там, наверху, поработать?

— Иди, почему же нет. Веня, возьми себе помощника!

Коля вошёл в недостроенный дом. Внутри почти всё было готово. Только различные отверстия в стенах говорили о том, что потом и их используют, чтобы людям удобно было жить.

Коля поднялся по лестнице на второй этаж, а потом по движущимся пластиковым лесам на самый верх. Веня дал ему пучок прутьев, и бородач Валечка крикнул снизу, командуя всеми тремя строителями:

— Веня, гни прутья на себя! Лёва, скорее, ты отстаёшь! Коля, ты забыл, что мы дом строим, а не клумбу!

Когда кончили возводить третий этаж, Коля сдал оставшиеся прутья Вене, попрощался, и студенты сказали, что он им очень помог. Коле хотелось взять с собой немножко коралловой пыли, но у него не было банки для питательного раствора, а без него затравка всё равно что простой песок.

— Иди в строители после школы, — сказал Валечка. — Невероятный простор для фантазии и полная свобода творчества.

— Спасибо, — сказал Коля, — я подумаю.

Глава 7

АВТОБУС НИКУДА НЕ ИДЁТ

Было почти двенадцать, когда Коля дошёл до памятника Гоголю. Правда, памятник был не тот, что раньше стоял на этом месте. Памятник в конце Гоголевского бульвара был старый, который раньше стоял на другом конце площади. Отец говорил как-то Коле, что Арбатская площадь — единственное место в мире, где есть две статуи одному и тому же писателю: одна на бульваре, другая у дома, где Гоголь жил. Видно, за сто лет они поменялись местами, решил Коля.

Перед памятником была Арбатская площадь, только Коля её бы никогда не узнал. Даже вместо ресторана «Прага» — колоссальный параллелепипед из бетона, а не из коралла. Наверно, его построили довольно давно. За ним виднелись верхушки небоскрёбов на проспекте. Это было знакомо. А справа из-за пальмовой рощи выглядывал пышный дом, весь в ракушках. Но он был не коралловый, просто старый, такая когда-то была мода, и построил его себе прогрессивный богач Морозов ещё до революции.

Автобус Коля увидел сразу. Посреди площади, выложенной разноцветными плитками, было возвышение. Около него как раз стояли три автобуса. Коля догадался, что это автобусы, так как над каждым висел ни к чему не прикреплённый шар с надписью: «Автобус 1», «Автобус 2», «Автобус 3».

Все три автобуса только что подъехали. Из них выходили пассажиры, а другие входили. Некоторые поднимались из-под земли, наверно из метро, другие подлетали на крыльях и складывали их, подходя к двери, третьи вылезали из пузырей, и пустые пузыри сами отлетали прочь, уступая место новым.

Коля испугался, что автобус уйдёт, и припустил через площадь. Он привык бегать за автобусами и трамваями, потому что ненавидел тратить время, ждать на остановке.

Он бежал и думал о том, что делать, если надо платить за билет, а он даже не знает, какие будут деньги. Одна надежда, что через сто лет не будут брать деньги за проезд в автобусах.

Бежал он быстро, но так как здесь никто через площадь напрямик не бегал, чуть не случилась катастрофа. Пузыри и другие машины тормозили, взлетали вверх, увёртывались. Одни — чтобы не налететь на Колю, другие — чтобы не налететь на тех, кто не хотел налететь на Колю. Коля краем глаза увидел, что творится, и припустил ещё скорее. Неизвестно, чем бы это кончилось, если бы какой-то мужчина не снизился на крыльях к самой земле, не выхватил бы Колю из центра суматохи и не поднял в воздух.

— Ты куда, сумасшедший ребёнок? — спросил он довольно невежливо. — Зачем погибать таким молодым и губить окружающих?